

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

КАТЕГОРИИ АРИСТОТЕЛЯ

Порфирий

Перевод: А.В. Кубицкий

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Так как, Хрисаорий, и чтобы научиться аристотелевским категориям, необходимо знать, что такое род и что - различающий признак, что - вид, что - собственный признак и что - признак приходящий, и так как рассмотрение всех этих вещей полезно и для установления определений вообще в связи с вопросами деления и доказательства, я, путем сжатого очерка, попытаюсь представить тебе в кратких словах, как бы в качестве введения, что здесь имеется у древних, воздерживаясь от более глубоких изысканий и ставя себе, соответственно своей цели, более простые задачи. Сказать тут же - я буду избегать говорить относительно родов и видов, - существуют ли они самостоятельно, или же находятся в одних только мыслях, и если они существуют, то тела ли это, или бестелесные вещи, и обладают ли они отдельным бытием, или же существуют в чувственных предметах и опираясь на них: ведь такая постановка вопроса заводит очень глубоко требует другого, более обширного исследования. Но как в отношении названных здесь и предлагающих нам логических моментов провели более формальный разбор древние и особенно - сторонники перипатетической школы, это я тебе постараюсь теперь показать.

ГЛАВА ВТОРАЯ О РОДЕ

Явным образом, ни о роде, ни о виде нельзя говорить, не производя различения. Под родом разумеется, с одной стороны, совокупность тех или иных вещей, известным образом относящихся к чему-нибудь одному и также - друг к другу. В этом смысле говорится о роде Гераклидов - благодаря зависимости от одного - именно, от Геракла, это-группа людей, которые имеют друг с другом известную родственную связь через него, причем группа эта получила свое название на почве отделения от других родов. И в другом смысле еще говорится о роде - а именно как о начале рождения для каждого <существа>, считая либо по родителю, либо по тому месту, в котором человек родился. Так, мы говорим, что Орест по роду идет от Тантала, а Гийи - от Геракла, а с другой стороны, что Пиндар по роду фиванец, а Платон - афинянин: ведь и родные есть в известном смысле начало рождения, так же как и отец. И это последнее значение есть, по-видимому, непосредственное: ведь Гераклидами называются те, кто является из рода гераклова, и Кекропидами - те, кто <происходит> от Кекропса, и родственники их. И в первую очередь получило название рода начало рождения для каждого, а затем также все множество тех, кто происходит от одного начала, например - от Геракла, и, точно отграничивая это множество и отделяя его от других, мы стали называть всю совокупность родом Гераклидов. В свою очередь, еще в другом смысле говорится о роде - поскольку ему подчиняется вид, причем здесь оном сказано может быть по <некоторому> сходству с первыми двумя определениями: ведь такой род есть и некоторое начало для того, что подчинено ему, и, по-видимому, он охватывает также все подчиненное ему множество.

В то время как о роде можно говорить в трех смыслах, у философов идет <о нем> речь в третьем из них: в даваемой ими приблизительной формулировке они признают родом то, что сказывается при указании существа <вещи> о многих и различающихся по виду <вещях>, - примером здесь может быть живое существо. В самом деле, из того, что сказывается <о другом>, одно сказывается только об одном, - таковы, например, индивидуальные вещи, как Сократ я этот вот человек, и этот вот предмет; другое же сказывается о большем <по числу>, например, роды, виды, различающие признаки, собственные и приходящие признаки оказываются в качестве общего <целому ряду>, но не в качестве того, что специально присуще чему-нибудь одному. И род это, например, - живое существо, вид, например, - человек, различающий признак [например] - одаренность разумом, собственный признак [например] - неспособность смеяться, приходящий признак и божество, который имеет святые

КАТЕГОРИИ АРИСТОТЕЛЯ

Порфирий

Перевод: А.В. Кубицкий

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Так как, Хрисаорий, и чтобы научиться аристотелевским категориям, необходимо знать, что такое род и что -различающий признак, что - вид, что - собственный признак и что - признак привходящий, и так как рассмотрение всех этих вещей

полезно и для установления определений вообще в связи с вопросами деления и доказательства, я, путем сжатого очерка, попытаюсь представить тебе в кратких словах, как бы в качестве введения, что здесь имеется у древних, воздерживаясь от более глубоких изысканий и ставя себе, соответственно своей цели, более простые задачи. Сказать тут же - я буду избегать говорить относительно родов и видов, - существуют ли они самостоятельно, или же находятся в одних только мыслях, и если они существуют, то тела ли это, или бестелесные вещи, и обладают ли они отдельным бытием,

или же существуют в чувственных предметах и опираясь на них: ведь такая постановка вопроса заводит очень глубоко требует другого, более обширного исследования. Но как в отношении названных здесь и предлежащих нам логических моментов провели более формальный разбор древние и особенно -сторонники перипатетической школы, это я тебе постараюсь теперь показать.

ГЛАВА ВТОРАЯ О РОДЕ

Явным образом, ни о роде, ни о виде нельзя говорить, не производя

различения. Под родом разумеется, с одной стороны, совокупность тех или иных вещей, известным образом относящихся к чему-нибудь одному и также - друг к другу. В этом смысле говорится о роде Гераклидов-благодаря зависимости от одного - именно, от Геракла, это-группа людей, которые имеют друг с другом известную родственную связь через него, причем группа эта получила свое название на почве отделения от других родов. И в другом смысле еще говорится о роде - а именно как о начале рождения для каждого <существа>, считая либо по родившему, либо по тому месту, в

котором человек родился. Так, мы говорим, что Орест по роду идет от Тантала, а Гилл - от Геракла, а с другой стороны, что Пиндар по роду фиванец, а Платон - афинянин: ведь и родные есть в известном смысле начало рождения, так же как и отец. И это последнее значение есть, по-видимому, непосредственное: ведь Гераклидами называются те, кто является из рода гераклова, и Кекропидами - те, кто <происходит> от Кекропса, и родственники их. И в первую очередь получило название рода начало рождения для каждого, а затем также все множество тех, кто происходит от одного начала,

например - от Геракла, и, точно отграничивая это множество и отделяя его от других, мы стали называть всю совокупность родом Гераклидов. В свою очередь, еще в другом смысле говорится о роде - поскольку ему подчиняется вид, причем здесь оном сказано может быть по <некоторому> сходству с первыми двумя определениями: ведь такой род есть и некоторое начало для того, что подчинено ему, и, по-видимому, он охватывает также все подчиненное ему множество.

В то время как о роде можно говорить в трех смыслах, у философов идет <о нем> речь в

третьем из них: в даваемой ими приблизительной формулировке они признают родом то, что сказывается при указании существа <вещи> о многих и различающихся по виду <вещах>,-примером здесь может быть живое существо. В самом деле, из того, что сказывается <о другом>, одно сказывается только об одном, - таковы, например, индивидуальные вещи, как Сократ я этот вот человек, и этот вот предмет, другое же сказывается о большем <по числу>, например, роды, виды, различающие признаки, собственные и приходящие признаки оказываются в качестве общего <целому ряду>, но

не в качестве того, что специально
присуще чему-нибудь одному. И род
это, например, - живое существо,
вид, например, - человек,
различающий признак [например] -
одаренность разумом, собственный
признак [например] -наделенность
смехом, привходящий признак и
белизна, черный цвет, сидячее
положение. Теперь, от того, что
сказывается только о чем-нибудь
одном, роды отличаются тем, что их
высказывание производится в
применении больше чем к одному, а
от того, что говорится в
применении больше чем к одному,
если это- виды, тогда - потому, что

виды хоть и сказываются о многом, однако же о таком, что не отличается по виду, но по числу: ведь человек, будучи видом, сказывается о Сократе и Платоне, которые отличаются друг от друга не по виду, не по числу, между тем животное, будучи родом, сказывается о человеке, о быке и о лошади, которые отличаются друг от друга также и по виду, а не только по числу. С другой стороны, от собственного признака род отличается потому, что этот признак сказывается только об одном том виде, для которого он является собственным его признаком, и о тех индивидуальных вещах, которые

данному виду подчинены, как способность смеяться сказывается только о человеке и об отдельных людях, между тем род сказывается не об единичном виде, но о нескольких <и притом> различных. Что же касается различающего признака и общих привходящих признаков, то от них род отличается потому, что если различающие признаки и общие привходящие определения и сказываются о нескольких и различных по виду <вещах>, все же они сказываются не при указании существа <вещи>. Когда вопрос поставлен у нас непосредственно, о чем именно сказываются эти

определения, в этом случае, говорим мы, они не заключают указания на существо вещи, но скорее на то, какова <по качеству> известная вещь. В самом деле, при вопросе, что есть по качеству человек, мы говорим, что это-<существо,> одаренное разумом, и при вопросе, каков по качеству ворон, мы говорим, что это-<существо,> наделенное черным цветом; между тем обладание разумом есть различающий признак, а наделенность черным цветом-привходящий признак; когда же нам задан вопрос, в чем существо человека, мы отвечаем., что это-

живое существо, а живое существо, это был род для человека.

Поэтому то обстоятельство, что род сказывается больше, чем об одном, отличает его от <всего> того, что сказывается только об одной из индивидуальных вещей, то, что он <сказывается> о различных по виду вещах, отличает его от определений, сказывающихся в качестве видов или в качестве собственных признаков, а то, что <он сказывается> при указании существа <вещи>, отделяет его от различающих признаков и от общих привходящих признаков, которые сказываются не при указании существа <вещи>, не при

указании качества или состояния всего того, о чем они сказываются. Таким образом данная здесь характеристика значения, присущего роду, не включает в себе ни чего-либо излишнего, ни какой-либо неполноты.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ О ВИДЕ

О виде может быть речь и в отношении к образу каждой вещи, согласно чему <например> сказано: Во-первых, здесь -достойный власти <внешний> вид. И кроме того как о виде говорится также о том, что подчинено разъясненному выше роду,

В соответствии с чем мы обычно говорим, что человек есть вид живого существа, причем живое существо, это-род, а белое, это-вид цвета и треугольник - вид формы. Но если, выявляя род, мы учитывали вид, сказавши, что род есть то, что сказывается в отношении многих и различных по виду вещей, при указании существа этих вещей, а вместе с тем мы вид обозначаем как то, что подчинено разъясненному выше роду, в таком случае надо твердо стоять на том, что так как и род есть род в отношении чего-нибудь и вид есть вид чего-нибудь (то и другое <значит> всегда <стоит> в

отношении друг к другу), поэтому и в формулировках определения как одного, так и другого необходимо одинаково пользоваться и тем и другим. Отсюда значение вида указывают и так: вид есть то, что ставится под родом и о чем род сказывается при указании его (т. е. вида) существа. А кроме того оно указывается и так: вид есть то, что сказывается о многих отличных по числу <вещах> при указании существа этих вещей>. Но уже такая формулировка могла бы относиться только к самому последнему виду - к тому, что является только видом,

между тем другие относятся и не к самым последним видам.

То, о чем здесь идет речь, могло бы стать ясным следующим образом. В каждой категории есть некоторые определения, которые являются в наивысшей мере родами, и, с другой стороны, -некоторые, которые являются в наивысшей мере видами, и между теми, которые являются в наивысшей мере родами, и теми, которые являются в наивысшей мере видами, имеются <также> другие. В наивысшей мере родовой характер носит то, за пределы чего не может подняться какой-либо другой род, в наивысшей мере видовой характер

то, за пределы чего не может опуститься <какой-либо> другой вид, а между тем, что является в наивысшей мере родом, и тем, что является в наивысшей мере видом, помещаются другие определения, которые, оставаясь одними и теми же, оказываются и родами и видами, если, однако, их ставить в отношение то к одному, то к другому. То, о чем идет речь, можно пояснить на одной категории. Субстанция и сама это-род, а под нею находится тело, под телом- одушевленное тело, под этим последним - живое существо, под живым существом- разумное существо, под ним- человек, а под

человеком - Сократ, Платон и
<вообще> отдельные люди. Но в этом
ряду субстанция есть то, что является
в наибольшей мере родом и
выступает только как род, а человек-
то, что является в наибольшей мере
видом и выступает только как вид,
тело же есть вид по отношению
субстанции, но род по отношению к
телу одушевленному. В свою очередь,
и одушевленное тело есть вид по
отношению .к телу, но род по
отношению к живому существу (т. е.
животному), и в свою очередь живое
существо есть вид по отношению к
одушевленному телу, но род по
отношению к разумному существу, а

разумное существо есть вид по отношению к живому существу, но род по отношению к человеку, человек же есть вид по отношению к разумному существу, но уже не является также и родом по отношению к отдельным людям, а есть только вид и все, что непосредственно сказывается перед индивидуумами, может быть только видом, но уже не - родом.

Таким образом, как субстанция стояла на самом верху, потому что раньше ее не было ничего, и являлась родом в наивысшей мере, так и человек представляет собою вид, за которым уже нет <другого> вида или

чего-нибудь, способного <дальше> делиться на виды, но <за этим видом> уже идут те или другие индивидуальные вещи (ибо нечто индивидуальное есть Сократ и Платон и вот этот белый предмет), он оказывается исключительно только видом и самым последним видом, или - как мы сказали- видом в наивысшей мере; что же касается промежуточных звеньев, то в отношении к тому, что раньше их, они являются видами, а в отношении к тому, что после них, - родами. Поэтому также промежуточные звенья выступают в двух формах, в одной - по отношению к тому, что

стоит раньше их, - здесь они обозначаются как его виды, в другой- в отношении к тому, что идет за ними, - здесь они обозначаются как его роды. Между тем крайние звенья имеют одну только форму: то, что является родом в наибольшей (наивысшей) мере, имеет определенную форму в отношении к тому, что стоит под ним, будучи наивысшим родом для всех вещей, а в отношении к тому, что находилось бы раньше его, такой формы уже не имеет, поскольку оно выше всего и выступает в качестве первого начала и <такого> рода, выше которого как мы сказали- не мог бы подняться

никакой другой, с другой стороны, то, что является в наибольшей (наивысшей) мере видом, имеет одну определенную форму, обращенную к тому, что стоит раньше его, по отношению к чему оно является видом, а другой формы- обращенной к тому, что идет за ним, - не имеет, но и по отношению к индивидуальным вещам оно называется тоже видом. Однако же по отношению к индивидуальным вещам оно обозначается видом, как объемлющее их, а по отношению к тем звеньям, которые стоят раньше его, оно называется так, поскольку объемлется ими.

Этим путем как род в наибольшей (наивысшей) мере обозначается то, что, будучи родом, не являются вместе с тем > видом, и в то же время-то, за пределы чего не мокрот подняться выше другой род; а с другой стороны, как в наибольшей (наивысшей) мере, (мы определяем) то, что, будучи видом, не является родом, та. что, выступая в качестве вида, не подвержено дальнейшему делению на виды, и чти при указании существа вещи сказывается о многих, отличных друг от друга по числу вещах. Что же касается тех звеньев, которые находятся в промежутке между крайними, их

признают находящимися во взаимном соотношении родами и видами, и каждое из них принимают за вид и за род < вместе >, беря, однако, его каждый раз в одном и потом - в другом отношении; причем звенья, идущие вверх перед самыми последними видами вплоть до самого первого рода называются родами и видами и взаимно подчиненными родами, как Агамемнон называется Атридом и Пелопидом, и Танталидом, и -в конечном счете -потомком Зевса. Только при указании родословных возводят начало по большей части к одному источнику, примерно сказать

-к Зевсу, между тем при родах и при видах дело обстоит иначе: ведь сущее не является одним общим родом для всего, и все существующее не является однородным на основе одного наивысшего рода, как говорит Аристотель. Примем, напротив, как - <у него> в "Категориях", десять первых родов в качестве десяти первых начал; <тогда> если обозначить все их как сущее, такое обозначение будет у них, по его словам, одинаковым по имени, но не одинаковым по смыслу. Дело в том, что если бы сущее было одним общим родом для всего, тогда все называлось бы сущим в одном общем

смысле имеется десять первых <родов>, то общность дается только по имени но не в то же время и по смыслу, раскрывающемуся в соответствии с именем. Таким образом, самых общих родов - десять а для последних видов имеется некоторое - однако же не безграничное число; что же касается индивидуальных вещей- сюда относится то, что идет вслед за последними видами - то их число безгранично. Поэтому Платон указывал пройти путь (опускаться) от самых общих родов до самых последних видов и <потом> остановиться, а путь проходить

(опускаться) через промежуточные точные звенья, подвергая их делению с помощью видообразующих признаков, то же, что безгранично по числу, он указывает оставлять в стороне, так как относительно него не может получиться <никакой> науки. При спуске к самым последним видам. необходимо, производя деление. подвигаться среди <получающегося> множества, напротив, при подъеме к наиболее общим родам надлежит собирать множество в единство. Ибо вид, и еще более род, является тем, что сводит множество в одно существо а частичное и единичное, напротив,

всегда разделяет единство на <некоторое> множество: ведь через причастность к виду большое число людей образуют одного, а через посредство отдельных людей единый и общий человек образует (несколько) их. Единичное всегда вносит разделение; на <отдельные предметы>, между тем общее связываете вместе и образует одно.

Поскольку сейчас указано про род и про вид, что представляет собою тот и другой, и <сказано, что род имеется <каждый раз> один, а видов - несколько (ведь род всегда подвергается делению па несколько видов)- поэтому род всегда

сказывается о виде, и все, что стоит выше, - о том, что стоит ниже, между тем вид неказывается ни о привыкающем к нему роде, ни о том, что кверху < от этого рода >, ведь здесь обращение не имеет места. В самом деле, сказываться одна о другой могут либо печи, применимые в одинаковом масштабе, например - ржание о лошади, или же - вещи большего масштаба о вещах меньшего, как живое существо о человеке, но вещи меньшего масштаба о вещах большего уже не могут: ведь нельзя уже сказать про живое существо, что это-человек, как можно сказать про человека, что ото-

живое существо. А о тех вещах, о которых сказывается вид, о них о необходимости будет сказываться и род вида, та. род рода- вплоть до самого высшего рода: если верно сказать про Сократа, что это-человек, а про человека, что это - живое существо, а про живое существо, что это - субстанция, - тогда верно и про Сократа сказать, что это- живое существо и субстанция.

Поскольку, таким образом, то, что стоит выше, всегда сказывается о том, что стоит ниже, постольку вид будет сказываться об индивидуальной вещи, род- и о виде и об индивидуальной вещи, а самый

высший род- и о роде или о родах,
если имеется большее число
промежуточных и подчиненных друг
другу звеньев, и точно так же - о виде
и об индивидуальной вещи. В самом
деле, самый высший род сказывается
о всех находящихся под ним родах,
видах и индивидуальных вещах, а
род, стоящий перед последним
видом, - о всех последних видах и
индивидуальных вещах, вид, который
есть только вид, - о всех
индивидуальных вещах, <наконец>
индивидуальная вещь- только об
одной из отдельных вещей.
Называется же индивидуальной
вещью Сократ, это вот белое и этот

приближающийся сын Софрониска, если у последнего единственный сын-Сократ. Так вот, все подобные вещи называются индивидуальными, потому что каждая из них состоит из специальных свойств, собрание которых никогда не может оказаться тем же самым у <какой-либо> другой вещи. Ибо специальные свойства Сократа не могут оказаться теми же самыми у какой-либо другой из отдельных вещей, однако специальные свойства человека - я имею в виду человека вообще - могут оказаться теми же самыми у большего числа <предметов>, больше того - у всех отдельных людей,

поскольку это - люди. Таким образом, индивидуальная вещь охватывается видом, а вид - родом: ибо род есть нечто целое, индивидуальная вещь ото- часть, а вид и целое и часть, но при этом часть есть часть другого, а целое не включает в себя другое, человек обособлен от лошади образующим вид признаком-качеством разумности. Вообще говоря, всякий различающий признак, привходя к какой-нибудь вещи, сообщает ей иной характер; но названные признаки, если они таковы в общем и специальном смысле, вносят в вещь изменения, и эти же признаки, если

они таковы в самом специальном смысле, делают ее другою. Дело в том, что одни из различающих признаков вносят <в вещь> изменения, другие - делают <ее> другою. Так вот те, которые делают <ее> другою, получили название - создающих виды, а те, которые вносят изменения, - просто различающих признаков. Различающий признак разумности, присоединившийся к животному, образовал другую вещь, а различающий признак движения создал только некоторое изменение по сравнению с тою же вещью, которая покоится, так что один из

этих признаков создал другую вещь, другой - внес только изменение. На основе различающих признаков, создающих другие вещи, получаются <разнообразные> деления родов на виды и устанавливаются определения, состоящие из рода и подобных признаков, а на основе различающих признаков, вносящих только изменения, получаются лишь <различные> своеобразия и изменения вещи, сказывающейся в том или в другом состоянии.

Начав опять сначала, надо сказать, что из различающих признаков одни отделимы, другие - неотделимы: находиться в движении и находиться

в покое, быть здоровым и быть больным, - <эти> и все подобные им признаки отделимы, а иметь горбатый нос или курносый, быть разумным или неразумным- эти свойства> неотделимы. Что же касается до неотделимых признаков, одни из них присущи <вещам> сами по себе, другие - привходящим образом: обладание разумностью присуще человеку само по себе, также и смертность и восприимчивость к науке, а наличие горбатого или курносого носа свойственно ему привходящим образом, а не само по себе. Первые, будучи присущи <вещи> сами; по

себе, входят в состав понятия <ее> сущности, делают <вещь> другою, а те, которые <присущ ей> привходящим образом, не входят в состав понятия сущности и не делают <вещи> другою, но вносят в нее изменения. И к тем различающим признакам, которые присущи <вещам> сами по себе, не применимы определения "больше" и "меньше", а те, которые присущи привходящим образом, если они неотделимы, <все же> допускают усиление (напряжение) и ослабление: ведь и род не сказывается в большей и в меньшей мере о том, род чего он составляет, и

также - различающие признаки рода, в соответствии с которыми он подвергается разделению: эти признаки дают законченное выражение понятию каждой вещи, а способность - у каждого предмета быть одним и тем же не допускает ни ослабления, ни усиления, между тем обладание горбатым или курносым носом наличие известной окраски и получает усиление и ослабевает (дается в большей и в меньшей мере).

Поскольку предметом рассмотрения являются три вода различающих признаков, и одни из этих признаков отделимые, другие - неотделимые, и в свою очередь из неотделимых одни

даны как присущие сами по себе,
другие- как присущие привходящим
образом, в свою очередь из тех,
которые присущи сами по себе, одни
это - те, согласно которым мы делим
роды на виды, другие же - те,
благодаря которым результаты,
полученные через <это> деление,
приобретают характер видов.
Например, в то время как все
различающие признаки, присущие
вещи сами по себе, у живого
существа таковы: одушевленное и
чувственно восприимчивое,
разумное и неразумное, смертное и
бессмертное, - отличие через
признак одушевленного и

восприимчивого содействует
установлению сущности живого
существа, ибо живое существо есть
сущность одушевленная <и>
восприимчивая; между тем
различающий признак смертного и
бессмертного и различающий
признак разумного и неразумного,
это- признаки, производящие
деление в живом существе: ведь
через них мы делим роды на виды.
Но сами эти признаки, производящие
деление родов, <вместе с тем> дают
полноту содержания <для видов> и
содействуют установлению <этих>
видов: ведь живое существо
подвергается делению благодаря

различающему признаку разумного и неразумного и в свою очередь - благодаря различающему признаку смертного и бессмертного; между тем признаки смертного и разумного содействуют установлению <сущности> человека, а признаки разумного и бессмертного- <сущности> бога, и признаки неразумного и смертного- <сущности> неразумных живых существ. Таким же образом [также], поскольку для субстанции, стоящей на самом верху, производящими деление являются различающие признаки одушевленного и неодушевленного и также -

чувственно восприимчивого и невосприимчивого, <признаки>-одушевленность и чувственная восприимчивость -в соединении с понятием субстанции- доводят до конца <понятие> живого существа, а признаки- неодушевленность и отсутствие восприимчивости-[доводят до конца] <понятие> растения. Так как, следовательно, одни и те же различающие признаки, взятые с известной точки зрения, оказываются устанавливающими <сущность вида>, а о другой точки зрения -производящими деление <рода на виды>, поэтому все они носят название, "создающих виды".

И именно они особенно требуются для подразделения родов и для определений, по не признаки, данные привходящим образом, <хоть и> неотделимые, ни, тем более, признаки отделимые.

Определяя такие различающие признаки, говорят: различающий признак есть то, благодаря чему вид богаче <содержанием, чем род. Человек, по сравнению с живым существом, дополнительно имеет разумность и смертность: в самом деле, живое существо, с одной стороны, не может быть каким-либо одним из этих признаков, - (иначе откуда бы виды получили такие

признаки?), не имеет также и всей совокупности противолежащих признаков, так как <в этом случае> одна и та же вещь будет вместе иметь противолежащие определения, а между тем- как <в этом вопросе> принимают - в возможности <род> имеет все стоящие ниже его различающие признаки, в реальном же отсутствовали он не имеет ни одного. И таким образом нет и того, чтобы что-нибудь получалось из несуществующего, и также противоречащие определения не будут вместе относиться к одной и той же вещи.

Определяют этот признак и так: различающий признак ость то, что сказывается о многих различных по виду предметах при указании, каков предмет по качеству: ведь когда о человеке сказываются разумность и смертность, о них идет речь при указании, каков человек по качеству, а не при указании его существа. На обращенный к нам вопрос, что есть человек по существу, подобает сказать -живое существо, если же спрашивают, какое же это живое существо, мы- как здесь подобает - укажем, что -разумное и смертное. Так как вещи (состоят) сложены из материи и формы или же имеют

состав, аналогичный <наличию> материи и формы, то как статуя <составлена> из меди в качестве материи и из <определенной> фигуры как формы, так и человек, взятый в общем смысле и в качестве вида, состоит - в качестве аналогичной материи - из рода, а в качестве формы - из различающего признака, а получающееся здесь целое-живое существо, разумное, смертное- это будет человек, как там - статуя.

Подобные признаки описывают и так: различающий признак есть то, чему свойственно разделять <друг от друга> вещи, охватываемые одним и

тем же родом: разумность и
неразумность разделяют человека и
лошадь, которые объемлются одним
и тем же родом-живым существом.
Дают <для этих признаков> и такую
формулировку: различающий
признак есть то, чем отдельные вещи
<между собой отличаются. В самом
деле- человек и лошадь по роду не
различены, - ведь и мы и неразумные
твари <одинаково> смертные
существа, -но прибавление
разумности отделило нас от них; и
разумными существами являемся и
мы, и боги, по присоединение
смертности отделило нас от них.
Давая для характерных черт

различающего признака дальнейшую разработку, указывают, что таковым является не все, что случайно попадает среди признаков, разделяющих вещи в пределах одного и того же рода, но что приносит нечто к бытию вещи и что составляет <некоторую> часть у ее сути бытия. Ведь быть способным к мореплаванию не есть различающий признак человека, хотя это и собственное свойство человека: ведь мы могли бы сказать, что из живых существ одни обладают способностью к мореплаванию, а другие- нет, отделяя <человека> от других, но способность к

мореплаванию но есть пополнение сущности и не есть часть ее, а только- собственно присущее ей свойство, потому что это - но то, что различающие признаки, специально носящие название "видо - образующих". Таким образом "видообразующими" признаками можно считать все те, которые образуют другой вид и которые включаются в формулировку сути бытия. И в отношении различающего признака достаточно того, что здесь сказано.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ О СОБСТВЕННОМ ПРИЗНАКЕ

Для собственного признака указывают четыре различных значения <такое обозначение получает> и то, что присуще (дословно привходит к) только одному какому-нибудь виду, если и не во всем его объеме, как человеку - врачевать или заниматься геометрией; также-то, что присуще <какому-нибудь> виду во всем объеме, если и -не ему одному, как человеку присуще быть двуногим; и также то, что присуще только одному виду, при этом -во всем его объеме и в известное время, как всякому человеку -в старости сесть. А четвертое значение-то, в котором

соединились наличие в одном только виде, <наличие> во всем объеме этого вида> и всегда, какова у человека -наделенность смехом (способность смеяться): ведь если он и не смеется всегда, однако обозначается как существо, наделенное смехом (способное смеяться), не потому, что он всегда смеется, но потому, что <ему> от природы свойственно смеяться; а это свойство всегда остается ему прирожденным, как и лошади - способность к ржанию. И с этом последнем случае считают, что здесь мы имеем собственный признак- в основном смысле, -здесь

осуществимо и обращение: если дана лошадь, то это-существо, способное ржать, и если дано существо, способное ржать, то это- лошадь.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О ПРИВХОДЯЩЕМ ПРИЗНАКЕ

Привходящий признак, это-тот, который появляется, и пропадает без уничтожения своего обладателя (субстрата). О нем можно говорить в двух различных значениях: в одном- он допускает отделение, в другом- неотделим. Сон, это привходящий признак отделимый, а быть черным, этот признак привходит к ворону и к эфиопу неотделимо, но и ворона

можно представить, что он - белый, и эфиопа - что он утратил <свой> цвет кожи, без уничтожения <в том и другом случае> субстрата.

Определяют привходящий признак и таким образом: привходящий признак, это-то, что может <либо> находиться, либо не находиться в том же предмете, или же-то, что не есть ни род, ни отличие, ни вид, ни собственный признак, но всегда является находящимся (данным) в субстрате. Так как <теперь> точно определены все поставленные на обсуждение -алогические > моменты, именно- род, вид, различающий признак, собственный

признак, привходящий признак, надо <вслед за тем> указать, какие у них есть общие <им> свойства и какие - специальные.

ГЛАВА ШЕСТАЯ О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ ОБЩЕГО У ПЯТИ ТЕРМИНОВ

Общим у всех них является то, что они сказываются о многом. При этом род сказывается о видах и об индивидуальных вещах, и различающий признак - таким же образом, а вид - о находящихся под ним индивидуальных вещах, собственный признак - как о виде, у которого это - собственный признак,

так и об охватываемых видом
индивидуальных вещах, и
привходящий признак -и о видах и об
индивидуальных вещах. В самом
деле, живое существо сказывается о
лошадях и быках, представляющих
гобою виды, а также об этой вот
лошади и этом вот быке,
представляющих индивидуальные
предметы, о другой стороны-
неразумность сказывается о лошадях
и о быках, <как видах> и также о
<лошадях и быках> единичных.
Однако вид, как, например, человек,
сказывается только об единичных
вещах, а <в свою очередь>
собственный признак, например-

способность смеяться, и о человеке
<как видов и об единичных <людях>,
также черный цвет- как о виде
воронов, так и об единичных
<воронах>, являясь <здесь>
привходящим признаком, не
допускающим отделения, и
движение- о человеке и о лошади,
как привходящий признан
отделимый, причем это последнее в
первую очередь сказывается об
единичных вещах, а на втором месте
-также о том, что единичные вещи
объемлют.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ ОБЩЕГО У РОДА И РАЗЛИЧАЮЩЕГО ПРИЗНАКА

Общее между родом и различающим признаком-то, что они охватывают виды: в самом деле, также и различающий признак охватывает виды, хотя и не все те, которые объемлет <тот или другой> род. Если разумность и не охватывает неразумные существа, как ото делает> живое существо, однако она охватывает человека и бога, которые представляют собою виды. И все, что сказывается о роде, как роде, сказывается и о находящихся под ним

видах, а все, что сказывается о различающем признаке, как таковом, будет сказываться и об образованном с его помощью виде. Ведь поскольку живое существо есть род, <не только о нем как о роде сказываются субстанциональность и одушевленность, но эти определения сказываются также о всех видах, стоящих под живым существом, вплоть до индивидуальных предметов; и поскольку разумность есть различающий признак, о ней, как о таковом, сказывается <умение> пользоваться разумом, и <это> умение пользоваться разумом будет сказываться не только о разумности,

но и о тех видах, которые подчинены признаку (стоят под признаком) разумности. Общим также является для них и то, что с упразднением рода или различающего признака упраздняется все, что стоит под ними: как, если нет живого существа, нет лошади и <нет> человека, так, если нет разумности, не будет никакого живого существа, пользующегося разумом.

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ РОДОМ И РАЗЛИЧАЮЩИМ ПРИЗНАКОМ

Специально характерно для рода то, что он сказывается о большем количестве <объектов>, нежели

сказываются различающий признак, вид, собственный признак и привходящий признак. В самом деле, живое существо сказывается о человеке, о лошади, о птице и о змее, между тем четвероногое -только о существах, имеющих четыре ноги, а человек- только об отдельных индивидуумах, способность ржать-только в применении к лошади и к отдельным лошадям, и привходящий признак подобным же образом- в применении к меньшему числу <объектов>. Но <при этом> различающие признаки надо иметь в виду те, при посредстве которых производится разделение рода, а не

те, помощью которых выявляется о
надлежащей полнотой сущность
рода. Далее, род выходит за пределы
различающего признака по
имеющимся в нем возможностям:
живое существо в одних случаях
обладает разумностью, в других- не
обладает. Далее, родам принадлежит
приоритет по сравнению с
различающими признаками, которые
стоят под ними, поэтому роды при
своем упразднении упраздняют эти
признаки, но сами с упразднением
этих последних не упраздняются: в
самом деле, с упразднением живого
существа вместе с ним упраздняется
<как> разумность, <так> и

неразумность; между тем различающие признаки еще не упраздняют с собою рода: если бы они и все были упразднены, остается мыслимою чувственная одушевленная субстанция, каковою <именно> и было живое существо. Далее, род входит в состав того, что есть суть <вещи>; а различающий признак - в состав того, что образует ее качество, как это <уже> сказано. Далее, род для каждого вида- один, например, для человека-живое существо, а различающих признаков- несколько, например - разумность, смертность, способность обладать мыслью и знанием, чем (каковыми

свойствами) он (человек) отличается от других живых существ. Кроме того, род подобен материи, а различающий признак- форме. И хотя имеются еще и другие, как общие, так и особые, свойства у рода и у различающего признака, <но> достаточно и этих.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ ОБЩЕГО У РОДА И У ВИДА

У рода и у вида общее то, что, как было указано, они сказываются о многом; при этом, однако, возьмем вид в смысле вида, а не в смысле также и рода, хотя одно и то же

является и видом и родом. Общим для них является также, что они предшествуют тому, о чем сказываются, и что тот и другой представляют нечто целое.

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ РОДОМ И ВИДОМ

Различаются они, поскольку род объемлет виды, а вида объемлются <родами> и <сами> не объемлют их: ибо род идет <в своем охвате> дальше, чем вид. Далее, роды должны предварительно лежать в основе и, подвергшись оформлению через признаки, образующие виды, создавать завершенные виды,

вследствие чего роды и стоят прежде по природе. И со своим упразднением они упраздняют <другое>, но <сами> не упраздняются вместе <с другим>, и если существует вид, во всяком случае существует и род, но если существует род, не обязательно существует и вид. И роды сказываются о подчиненных им видах в том же самом значении, но виды отнюдь не сказываются о родах. Далее, роды имеют перевес, охватывая стоящие под ними виды, а виды имеют перевес над родами, благодаря наличию у них специально им присущих различающих

признаков. Далее, ни вид не может оказаться самым высшим родом, ни род -самым последним видом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ ОБЩЕГО У РОДА И У СОБСТВЕННОГО ПРИЗНАКА

У рода и у собственного признака общее-то, что они непосредственно связаны с видами: если это-человек, тогда и - живое существо, и если это -человек, тогда и-то, что наделено смехом. Также <общим между ними пишется> то, что одинаковым образом сказывается род о видах и собственный признак- о причастных

ему индивидуальных вещах: ведь одинаковым образом и человек, и бык есть живое существо, а Анит и Молит-**<существа,>** наделенные смехом. Обще для них и то, что, сохраняя тот же самый смысл, сказывается и род о своих видах, и собственный признак о **<всем>** том, у чего это- собственный признак.

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ РОДОМ И СОБСТВЕННЫМ ПРИЗНАКОМ

Различаются они там, что род идет раньше, а собственный признак- позже: должно существовать **<быть дано>** живое существо, а затем она должно делиться посредством

различающих и собственных признаков. И род сказывается о нескольких видах, а собственный признак-**<только>** об одном виде **<о том>**, у которого это- собственный признак. И для собственного признака имеется взаимность оказывания **<друг о друге с тем, у чего это -собственный признак,** между тем у рода не имеется взаимного оказывания: если это- живое существо, то это **<вещи>** не человек, и **<точно так же>** если он наделен смехом; если же это- человек, тогда и-**<существо>**, наделенное смехом, и наоборот. Далее, собственный признак присущ

во всем объеме тому виду, у которого это -собственный признак, одному только этому виду и всегда, между тем род присущ, правда, во всем объеме тому виду, для которого это-род, и присущ <ему> всегда, однако же не присущ также и ему одному. Далее, собственные признаки, в случае их упразднения, не упраздняют вместе <с собой> также и роды, между тем роды, в случае их упразднения, упраздняют вместе <с собой также и виды, которым принадлежат <название> собственных признаки, так что, вследствие упразднения видов, которым принадлежат <эти>

собственные признаки,
упраздняются вместе с тем и сами
<эти> собственные признаки.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ ОБЩЕГО У РОДА И ПРИВХОДЯЩЕГО ПРИЗНАКА

У рода и у привходящего признака
общее-то, что они, как было указано,
сказываются о многом, будут ли это
отделимые привходящие признаки,
или это будут признаки
неотделимые; ведь и движение
сказывается о многих вещах, и
черный цвет о воронах, об эфиопах и

о некоторых неодушевленных предметах.

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ РОДОМ И ПРИВХОДЯЩИМ ПРИЗНАКОМ

Род отличается от привходящего признака тем, что сам он (род) стоит впереди видов, между тем привходящие признаки -после видов: если взять даже и привходящий признак неотделимый, все же то, к чему привходит что-нибудь, идет раньше, нежели это привходящее свойство. И роду <всегда> одинаковым образом причастно то, что <ему> причастно, между тем привходящему свойству -

неодинаковым: связь с
привходящими свойствами может
быть дана в усиленной и
ослабленной степени, между тем с
родами- нет. Равным образом,
привходящие свойства основным
образом находят себе опору в
индивидуальных предметах, между
тем роды и виды по природе
предшествуют индивидуальным
субстанциям. И роды высказываются
о том, что стоит под ними, при
указании его сути (существа), между
тем привходящие свойства-при
указании, какого каждая вещь
качества или в каком находится
состоянии: на вопрос, каков по

качеству эфиоп, ты скажешь, что черен и <на вопрос, в каком состоянии Сократ, скажешь, что он сидит или гуляет.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Как отличается род от остальных четырех "[^]логических моментов>, это указано, но оказывается также, что каждый из всех остальных отличается от четырех <других>, так что если всего дано <их> пять, а каждый в отдельности отличается от четырех, тогда при помножении пяти на четыре общее количество различий получается двадцать. Однако же дело обстоит не так, но

так как все время подсчитываются
<только> те, которые идут дальше в
последовательном порядке, и двум
<первым> недостает одного
различия, потому что оно уже было
принято во внимание ранее, а трем-
(еще) двух, четырем-<еще> трех и
пяти-<еще> четырех,
<следовательно, всего получается
десять различий- четыре <да> три
<да> два <да> одно. В самом деле,
род -отличается от различающего
признака, от вида, от собственного
признака и от привходящего
признака: значит, <здесь> четыре
различия. Теперь, какое различие
определилось между различающими

признаком и родом, об этом сказано <тогда>, когда было указано, как отличается род от этого признака; а затем еще остается сказать, какие различия <у этого же признака> с видом, с собственным признаком и с привходящим признаком, и <таким образом> их получается три. В свою очередь про вид было сказано, как он отличается от различающего признака, когда говорилось, как отличается различающий признак от вида; а как отличается вид от рода, было сказано, когда говорилось, как отличается род от вида; помимо этого, значит, предстоит еще сказать, как он (вид) отличается от

собственного признака и от
привходящего признака; таким
образом и этих различий <как раз>
два. Что же касается собственного
признака, то здесь останется
<указать>, как он отличается от
признака привходящего: как
собственный признак отличается от
вида, от различающего признака и от
рода, об этом сказано уже раньше -
при указании, каковы различия
между ними и этим признаком. Если
таким образом различия между
родом и остальными <логическими
моментами> берутся <на учет> в
четырех случаях, различия между
различающим признаком <и

остающимися моментами>-в трех случаях, различия вида- в двух, и различия собственного признака - в одном, <именно> по отношению к признаку привходящему,- значит, всего различия будут иметься в десяти случаях, и из этих различий четыре- это были различия рода от других <логических моментов>, как мы в предшествующем показали.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ ОБЩЕГО У РАЗЛИЧАЮЩЕГО ПРИЗНАКА И У ВИДА

Общее у различающего признака в у вида-то, что причастность к тому и

другому осуществляется <у того, что им причастно,> одинаковым образом (на одних и тех же условиях):

одинаковым образом причастны отдельные люди как виду человека, так и различающему признаку разумности. Общим у них является и то, что <оба> они всегда присущи тому, что им причастно. Сократ всегда разумен, и Сократ всегда-человек.

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ВИДОМ И РАЗЛИЧАЮЩИМ ПРИЗНАКОМ

Характерным для различающего признака является, что он сказывается о вещи при указании ее

качества, для вида же, что <он
сказывается> при указании существа
("сути") вещи: ведь если человек и
берется как <известное> качество,
он, можно сказать, является таковым
но непосредственно, но поскольку
различающие признаки,
присоединившись к роду, это
качество установили. Далее, <тот же
самый> различающий признак часто
усматривается у нескольких видов,
как наличие четырех ног у очень
многих животных, отличающихся
<между собою> по виду, между тем
вид имеет место в одних только
индивидуальных существах,
подчиненных <данному> виду. Далее,

различающий признак идет раньше
соответствующего ему вида:
разумность со своим упразднением
упраздняет вместе <с собою>
человека, между тем человек, при его
упразднении, не упраздняет
разумность, раз существует бог.
Далее, различающий признак
допускает объединение с другим
различающим признаком: ведь
разумность и смертность
объединились для установления
человека; между тем вид не
допускает объединения с <другим>
видом, так чтобы <вместе> породить
какой-нибудь другой вид: отдельная
лошадь соединяется с отдельным

ослом для порождения мула, но непосредственно лошадь <как вид> в соединении с ослом <как видом> не могла бы образовать мула <как вида>.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ ОБЩЕГО У РАЗЛИЧАЮЩЕГО ПРИЗНАКА И У СОБСТВЕННОГО ПРИЗНАКА

Различающий признак и собственный признак имеют общим то, что вещи, им причастные, являются таковыми на разных условиях (одинаковым образом): на одних и тех же условиях существа разумные обладают разумностью и

существа, способные смеяться, - способностью смеяться. Общим тому и другому <из этих признаков> является также и то, что они всегда и во всех отдельных случаях присущи <своим носителям>: ведь и тогда, если двуногое <существо> будет покалечено, все же <и здесь > всегдашняя данность утверждается в отношении природной способности, как и <существо>, наделенное смехом, имеет <в отношении этого свойства> всегдашнюю данность благодаря природной способности, а не потому, чтобы <такое существо> смеялось всегда.

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ СОБСТВЕННЫМ И РАЗЛИЧАЮЩИМ ПРИЗНАКОМ

Характерным для различающего признака является, что он часто утверждается относительно нескольких видов, как разумность и относительно бога и относительно человека, между тем собственный признак-**<лишь>** относительно одного вида, у которого это - собственный признак. И различающий признак **<неуклонно>** следует за теми **<видами>**, у которых это был различающий признак, но обратное следование не имеет в свою

очередь места с неизбежностью;
между тем собственные признаки в
отношении тех <видов>, у которых
это -собственные признаки,
допускают взаимное высказывание,
потому что здесь обратное
следование имеет место.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ ОБЩЕГО У РАЗЛИЧАЮЩЕГО ПРИЗНАКА И У ПРИВХОДЯЩЕГО ПРИЗНАКА

У различающего признака и у
привходящего признака общее-то, что
они сказываются больше, чем об
одном <предмете>, также с

признаками привходящими и при этом неотделимыми у признака различающего общим является то, что они бывают даны всегда и во всяком отдельном предмете: ведь обладание двумя ногами бывает дано всегда у всех воронов и обладание черным цветом- также.

О СВОЕОБРАЗНЫХ ЧЕРТАХ У РАЗЛИЧАЮЩЕГО ПРИЗНАКА И ПРИЗНАКА ПРИВХОДЯЩЕГО

[С своей стороны] различаются эти признаки тем, что признак различающий является объемлющим, объемлемым же нет: разумность объемлет человека; между тем

признаки привходящие в известном смысле оказываются объемлющими, потому что они находятся у нескольких <носителей>, а в известном смысле- объемлемыми, потому что <их> носители способны иметь не один привходящий признак, по несколько. И различающий признак не поддается усилению и ослаблению, между тем для признаков привходящих можно говорить о большой и о меньшей степени. И противоположные различающие признаки не допускают отмщения, между тем противоположные привходящие признаки могут быть смешаны

между собою. Вот каковы, таким образом, общие свойства и особенные у различающего признака и остальных моментов. Что касается теперь вида, то в чем он отличается от рода и от различающего признака, об этом сказано там, где мы говорили, как род отличается от остальных моментов и как различающий признак отличается от этих моментов.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ ОБЩЕГО У ВИДА : И У СОБСТВЕННОГО ПРИЗНАКА

У вида и у собственного признака
общее-то, что они взаимно
сказываются друг о друге: если это-
человек, то это -существо,
наделенное смехом, и если -
существо, наделенное смехом, то-
человек. А что наделенность смехом
следует <при этом> принимать в
смысле природной способности
смеяться, об этом <уже>
многократно било сказано. Общим
является здесь также, что и тот и
другой даются <всему> одинаковым
образом: одинаковым образом
находятся <даются> <всюду> виды в
том, что им причастие, и
собственные признаки -в том, у чего

это -собственные признаки.

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ВИДОМ И СОБСТВЕННЫМ ПРИЗНАКОМ

Вид отличается от собственного признака тем, что вид может быть родом у других <видов>, между тем собственный признак не может быть собственным признаком <также> других <видов>. И вид стоит впереди собственного признака, а собственный признак идет вслед за видом (примыкает к виду): надо быть человеком, чтобы быть также наделенным смехом. Далее, вид всегда бывает дан в субстрате в действительности, между тем

собственный признак -иногда также и в возможности: Сократ-это всегда человек в действительности, но смеется он не всегда, хотя всегда обладает природной способностью к смеху. Далее, всегда, где определения разные, и сами предметы определений разные: между тем определение вида- быть подчиненным роду, сказываться о многих различных по числу <предметах> при указании их существа и <так далее> в этом роде, а определение собственного признака- принадлежать только одному <виду>, .принадлежать всегда и во всем его объеме.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ ОБЩЕГО У ВИДА И У ПРИВХОДЯЩЕГО ПРИЗНАКА

У вида и у привходящего признака общее-то, что они оказываются о многом, других же общих черт у них очень немного, потому что привходящий признак и то, к чему он привходит, крайне далеко отстоят друг от друга.

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ НИМИ

Характерные черты того и другого:
для вида высказываться при указании

существа того, у чего это-вид, для привходящего признака-при указании того, какого качества или в каком состоянии <данный предмет. И также то, что каждая субстанция причастна одному виду, но нескольким привходящим признакам, как отделимым, так и неотделимым. И виды мыслятся раньше, чем привходящие признаки, даже и в том случае, если эти последние неотделимы (ведь должен быть налицо субстрат, чтобы к нему что-нибудь могло превзойти), между тем привходящие признаки, по природе; своей, возникают позже и носят характер случайного

("эпизодического"). Также причастность к виду дается <для всех охватываемых им предметов> на равных условиях, а причастность к привходящему признаку, если даже это - неотделимый признак, не на равных условиях: ведь и у одного эфиопа по сравнению с другим возможен либо менее ярко выраженный черный цвет кожи, либо - более ярко.

Остается теперь сказать относительно собственного признака и признака привходящего: ибо какая определилась разница между собственным признаком и видом,

различающим признаком и родом, -
об этом <уже> сказано.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ О ТОМ, ЧТО ЕСТЬ ОБЩЕГО У СОБСТВЕННОГО ПРИЗНАКА И У НЕОТДЕЛИМОГО ПРИВХОДЯЩЕГО ПРИЗНАКА

У собственного признака и у неотделимого привходящего признака общее-то, что без них не могут иметь место вещи, в которых они усматриваются: как без наделенности смехом не получается человека, так и без черного цвета не мог бы иметь места эфиоп. И как собственный признак присущ всему

объему <своего вида>, так же точно <присущ ему> и неотделимый привходящий признак.

О РАЗЛИЧИИ ЭТИХ ЖЕ ПРИЗНАКОВ

Разница между ними -в том, что собственный признак присущ <каждый раз> только одному виду, как наделенность смехом - человеку, между тем неотделимый привходящий признак, например, полнота, присущ не только эфиопу, но и ворону, и углю, и эбеновому дереву, и некоторым другим вещам, а потому собственный признак допускает взаимного высказывания.

И причастность собственным признакам происходит на одинаковых условиях <для всего объема входящим признакам в одних случаях - больше, в других - меньше. Есть, правда, и другие общие и специальные черты у указанных <логических моментов>, но достаточно и этих, чтобы различить их <друг от друга> и выявлять (показывать) <их> общность.